

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В СТИХОТВОРНОЙ «АРМИИ»
О. МАНДЕЛЬШТАМА

М. Р. АНДРЕЕВА

Творчество А. С. Пушкина стало хлебом и вином (читай — плотью и кровью) русской поэзии. Но и хлеб этот, бесконечное количество раз-преломленный, и вино, пригубленное столь многими, не убывают. Пушкинское чудо подобно евангельскому: пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч человек: «И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и преломив дал хебы ученикам, а ученики — народу. И ели все и насытились» (Ев. от Матфея 14:19—20).

К числу пригубивших вино и преломивших хлеб пушкинской поэзии относится и Мандельштам. Мандельштамовское отношение к Пушкину часто называют особым. Таким оно, безусловно, и было, как, впрочем, и цветаевское, и блоковское, и ахматовское...

Ядро, суть этой «особости» хорошо знала Анна Андреевна Ахматова. В «Листках из дневника» (о Мандельштаме) она пишет: «Жить там (в Царском селе — М. А.) Осипу не нравилось. Он люто ненавидел так называемых царскосельских сюсюк, Голлербаха и Рождественского, и спекуляцию на имени Пушкина.

К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение — в нем мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия. Всякий «пушкинизм» был ему противен. (...) Мою «Последнюю сказку» — статью о «Золотом петушке» — он сам взял у меня на столе, прочел и сказал: «Прямо — шахматная партия». (...).

Вообще же темы «Мандельштам в Царском селе» — нет и не должно быть. Это был корм не для него»¹.

«Пушкинизма» у Мандельштама действительно нет. Нет прямых, проговариваемых обращений. Однако мандельштамовская поэзия напитаана пушкинскими образами. Пушкинское творчество органично Мандельштаму. Лучшее тому доказательство — многочисленные «пушкинские подтексты» (в терминологии К. Тарановского) в мандельштамовских сочинениях. «Для Мандельштама характерно чувство какой-то особенной деликатности и осторожности, когда он говорит о Пушкине. Эта тема глубоко спрятана, здесь присутствует своего рода тайнопись»².

Насыщенность «пушкинским» у Мандельштама велика, и, естественно, она не осталась незамеченной³.

¹ А. Ахматова. Листки из дневника (о Мандельштаме). В кн.: Серебряный век. М., 1990, с. 412—413.

² С. Кузьмина. Два превращения одного солнца.—Литературное обозрение, 1991, № 1, с. 40.

³ К. Тарановский. Г. Фрейдин. Сидя на саях: Осип Мандельштам и харизматическая традиция русского модернизма.—Вопросы литературы, 1991, № 1; С. Кузьмина. Два превращения одного солнца.—Литературное обозрение, 1991, № 1.

В плане насыщенности пушкинскими образами, аллюзиями интерес представляют стихотворения Мандельштама армянской тематики. В период путешествия в Армению в мандельштавовском сознании «пушкинское» и, в частности, те его грани, которые были связаны с «Путешествием в Арзрум», актуализировались.

Ровно век отделяет путешествие Осипа Мандельштама в Армению от другого путешествия: А. С. Пушкина в Арзрум. Правда, точности ради к этой «круглой» цифре надо прибавить еще один год. Мандельштам приехал в Армению в мае 1930 года и пробыл здесь до октября того же года. Путешествие Пушкина в Эрзрум длилось с мая по сентябрь 1829 года. И мы бы не проводили здесь никаких параллелей, не будь они проведены самим Мандельштамом.

Случилось так, что и для Мандельштама, и для Пушкина путешествие в Армению явилось переломным моментом в творческой биографии и духовном развитии. «Конец 1828—1989 гг.—сложное и мучительное для Пушкина время: осложнения отношений с правительством /.../, запутанные личные переживания, метания в треугольнике Москва — Малинники — Петербург, попытки выбраться из душившего его круга поездкой куда угодно: в Париж, в Китай, в действующую армию — все это мучительно сочеталось с творческим перепутьем. /.../ В определении дальнейшего творческого пути Пушкина, видимо, очень значительную роль сыграла еще не оцененная по заслугам поездка на Кавказ в действующую армию»⁴. Значительная роль этой поездки, по Ю. М. Лотману, заключалась в дегероизации исторического мышления и деромантизации художественного сознания Пушкина, а также в той гуманистической позиции по отношению к войне, на которой утвердился поэт. «Война предстала как безусловное зло. В равной мере злом рисовалась и ее психологическая основа — атмосфера взаимной вражды и нетерпимости, стремление решать исторические задачи в обстановке ненависти, силой оружия»⁵. «Это отразилось в замене героической поэзии, посвященной арзрумскому походу (чего от Пушкина ждали и требовали), путевым очерком неопределенной формы»⁶.

Собственно, таким же переломным стал период путешествия в Армению и для Мандельштама. Открылось «второе дыхание», отступило «удушье» — немота.

И для Пушкина, и для Мандельштама путешествие в Армению было попыткой подышать воздухом свободы. Мандельштам хотел вырваться из Москвы, где «казнями имениты дни», а Пушкин — из-под опеки Николая I и Бенкендорфа. Пушкин ехал в Арзрум без разрешения: «После безуспешных попыток получить разрешение на выезд в действующую против персов русскую армию, Пушкин тем не менее от своего намерения не отказывается»⁷.

4 марта 1829 г. петербургский почт-директор Н. Я. Булгаков, знакомый Пушкину, подписал по его просьбе подорожную (письменное свидетельство для поездки куда-либо, удостоверяющее право пользоваться определенным количеством почтовых лошадей) «от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно»⁸. В Тифлисе же подорожная утратила силу, и продолжать путь по ней было невозможно.

А теперь вспомним Мандельштама — «Записные книжки» 1931—1932 годов: «Выправив себе кой-какие бумажонки, к которым по совети и не мог относиться иначе, как к липовым, я выбрался с соломен-

⁴ Ю. М. Лотман. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1930). — Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. 1988, с. 31.

⁵ Там же, с. 32—33.

⁶ Там же, с. 31.

⁷ К. В. Айвазян. Я стал спускаться к свежим равнинам Армении. Путешествие в Арзрум 1829 г., Ер., 1990, с. 173.

⁸ Там же, с. 193.

ной корзинкой в Эривань в мае 30-го года». Так что «чудный чиновник без подорожной» в стихотворении Мандельштама «И по-звериному воет людь» — это не только Пушкин, но и отчасти сам Мандельштам:

И по-звериному воет людь,
И по-людски куролесит зверье.
Чудный чиновник без подорожной,
Командированный к тачке острожной,
Он Черномора пригубил питье.
В кислой корчме по пути к Эрзеруму.

Что касается «осторожной тачки», то, очевидно, речь идет о ссыльных декабристах, участниках русско-персидской и русско-турецкой войн. К ним как бы «командировал» Пушкин сам себя. А вот «питье Черномора» выводит нас, с одной стороны, к пушкинскому Черномору — герою поэмы «Руслан и Людмила», а также «Сказки о царе Салтане», а с другой стороны, — к Черному морю. «Пригубить питье Черномора» в мандельштамовской системе культурных координат означало причаститься европейской культуре. Ибо у Мандельштама, по словам Надежды Мандельштам, «была своя святая земля: Средиземноморье»⁹. А «Крым, Грузия и Армения в понимании О. М. были только Черноморьем, приобретенным через связи с Средиземноморьем к мировой культуре»¹⁰. Так что «древние связи Крыма и Закавказья, особенно Армении, с Грецией и Римом казались ему залогом общности с мировой, вернее, европейской культурой»¹¹.

То есть за темой пушкинской просвечивает тема мандельштамовская. Но как бы то ни было, и «путь к Эрзеруму», и «питье Черномора» — прежде всего маркеры, указующие на Пушкина и на его творчество (в частности, на «Путешествие в Арзрум»).

Кстати, «питье Черномора», раз уж его «пригубили в кислой корчме», это ведь еще и вино, например, кахетинское. Вспомним «Путешествие в Арзрум»: «В Ларсе остановились мы ночевать. Тут нашли мы путешественника-француза /.../ С ним мы выпили в первый раз кахетинского вина из вонючего бурдюка, воспоминания пирования Илиады: «И в козих мехах вино, отраду нашу!» (Строка из 3-й песни «Илиады»). Может, кахетинское из «вонючего бурдюка», напомнившее «Илиаду», и есть «питье Черномора». И еще: почему корчма, то есть постоянный двор или трактир, названа «кислой»? Возможно, дело здесь в прокисшем запахе, который характерен для таких мест. Это может быть запах уксуса или вина. Вообще, «кислая корчма» — это и недостаточно чистая корчма, отсюда и кислый запах. Опять-таки вспомним «Путешествие в Арзрум»: «Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и не чище русских)»¹².

Тема личная, мандельштамовская, тема своего времени, постоянно просвечивает сквозь тему пушкинскую, тему пушкинское время. Обратимся к строчкам Мандельштама, оставшимся в черновиках:

Там, где везли на арбе Грибоеда
Долго ль еще нам ходить по гроба
Как по грибы деревенская девка...

Первая строчка, как видим, указывает на Пушкина, на «Путешествие в Арзрум». Однако далее развивается тема времени, в котором жил сам Мандельштам («Долго ль еще нам ходить по гроба. Как по грибы деревенская девка»).

Этот пушкинский тематический субстрат у Мандельштама не слу-

⁹ Н. Н. Мандельштам. Воспоминания. М., 1989, с. 240.

¹⁰ Там же, с. 242.

¹¹ Там же, с. 240.

¹² А. С. Пушкин. Проза. М., 1978, с. 250—251.

чаен. Он — результат глубокого осознания духовного родства, а также схожести самой ситуации, в которой оказался Пушкин в 1829 году, а Мандельштам — в 1930-м. Не случайна в черновом варианте у Мандельштама строка: «Наши дороги ведут к Эрзеруму»:

Грянуло в двери знакомое: ба!
Наши дороги ведут к Эрзеруму
Где Черномора пригубил питье
Чудный чиновник без подорожной
Командированный к тачке острожной.

Почему, собственно, «дороги ведут к Эрзеруму»? Не потому ли, что в Арзуме тогда, когда туда направлялся «чудный чиновник», была война, а война — это уничтожение, прежде всего физическое. Именно к нему и ведет дорога в такое время, когда «по гроба» ходят, как «по грибы деревенская девка».

Еще один образ, связанный с пушкинским субстратом — «эрзерумская кисть винограду»:

Были мы люди, а стали людье,
И суждено — по какому разряду?—
Нам роковое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.

Собственно, никакой «кисти винограду» в «Путешествии в Арзрум» нет. «Эрзерумская кисть винограду» — это желанный, но вместе с тем недоступный плод (вспомним крыловскую басню). «Эрзерумская кисть винограду» — это, возможно, заветная, желанная, но недоступная свобода. Иными словами, суждено: «роковое в груди колотье» — страх — да «эрзерумская кисть винограду» — невозможность достижения свободы. Кстати, эта же матрица крыловской басни у Мандельштама сработала и в стихотворении 31-го года «Канциона». Здесь она послужила выражению мотива недоступности желанного плода — заветной земли, куда, «покинув край гипербореев», поэт мечтает вырваться, совершая «умозрительное путешествие в «обетованную страну»¹³:

Я покину край гипербореев,
Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,
Я скажу «села» начальнику евреев
За его малиновую ласку.
Край небритых гор еще неясен,
Мелколесья колется щетина,
И свежа, как вымытая басня,
До оскомины зеленая долина.

Надежда Мандельштам по поводу этих строк заметила: «И. И. Семенко обратила мое внимание на реминисценцию из Крылова («до оскомины зеленая долина»). Всем известно, что такое «зелен виноград», которым лисица как бы сознательно пренебрегает, чтобы не набить себе оскомину. Мандельштам, вырвавшийся на простор и увидавший недоступную долину, сам над собой посмеялся и вспомнил Крылова. Мы-то хорошо знали, что никуда вырваться нельзя»¹⁴.

В образе «эрзерумской кисти винограду» много горечи, есть и оттенок горькой усмешки. Кстати, тот же оттенок характерен и для другого образа опять же из стихотворений армянской тематики — образа «замороженного винограда»:

Я бестолковую жизнь, как мулла ювой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пропил.

¹³ Н. Я. Мандельштам. Вторая книга. М., 1990, с. 447.

¹⁴ Там же, с. 444.

Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда!

«Замороженный виноград» — это неосуществившиеся возможности. Здесь ассоциация развивается следующим образом: «время свое заморозил» — виноград тоже «замороженный»; «крови горячей не пролил» — «замороженный виноград» тоже не превратился в вино (горячая кровь как бы напоминает о вине: кровь горячая — вино горячит кровь). Замороженный виноград, действительно, являет собой вид чего-то нереализовавшегося. Летний гость на зимнем столе, он, как правило, сморщенный; это уже не «виноградины с голубиное яйцо» — тем ощущаем контраст.

В стихотворении 1932 года «Батюшков» имеется образ винограда, сопряженный с творчеством:

И отвечал мне оплакавший Тасса:
Я к величаньям еще не привык.
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык.

Об этом образе хорошо сказал Станислав Рассадин: «квинтэссенция Мандельштама, нежный сгусток его поэзии. «Виноградное мясо» — вот сочетание, удивляющее неожиданностью и покоряющее естественностью. «Мясо» — субстанция неэфемерной плоти, самой что ни на есть земной подлинности, но — «виноградное», нежное на вкус и на ошупь, не насыщающее, а дающее радость. Мясо — проза, реальность, быт; вино, виноград — едва ли не аналог поэзии. Одушевленная плоть, материализованный дух»¹⁵.

Что же касается образа «замороженного винограда», то в нем, возможно, тоже имеется, хотя и глубоко сокрытая, эта идея творчества. Поэт «время свое заморозил», то есть время застыло, не движется вперед. А не тогда ли время застывает для поэта, вообще человека творческого, когда наступает немота — «удушье», по словам самого Мандельштама? Именно в этот период своей творческой биографии Мандельштам приехал в Армению. С другой стороны, виноград был у Мандельштама причастен к «науке Эллады», то есть к тем реалиям культуры, которыми он столь дорожил.

К образам «эрзерумской кисти винограда» и «замороженного винограда» тяготеет, как нам кажется, еще один — образ «холода тутовых ягод»:

Такие же люди, как вы,
С глазами, вдолбленными в череп,
Такие же судьбы, как вы,
Лишили вас холода тутовых ягод.

«Холод тутовых ягод» символизирует возможность жить и наслаждаться жизнью, которая, впрочем, у этих людей имелась ранее. Сейчас же ее нет. Так что «холод тутовых ягод» стал недоступен. Кстати, по свидетельству Н. Я. Мандельштам, речь здесь идет об «армянских ссыльных, сапожничавших в Воронеже»¹⁶.

На тяготение этой строфы к стихотворениям и прозе армянской тематики указывает, скажем, не будь этого свидетельства Н. Я. Мандельштам, и образ «холода тутовых ягод» (характерная для Армении реалья), и образ людей, «с глазами, вдолбленными в череп». Последний напрямую перекликается с прозаическим «Путешествием в Армению»: «...большеротые люди, с глазами, просверленными прямо из черепа, — армяне»¹⁷.

¹⁵ С. Рассадин. Очень простой Мандельштам. М., 1993, с. 122.

¹⁶ Н. Я. Мандельштам. Воспоминания, с. 416.

¹⁷ О. Э. Мандельштам. Сочинения. Т. II, М., 1990, с. 112.

Если же говорить о «пушкинском» у Мандельштама, то в отдельных случаях мы имеем не просто насыщенность, напитанность мандельштамовских стихотворений пушкинскими образами, но своеобразную переплавленность этих образов. Так, в четверостишии, предваряющем цикл «Армения»,—

Как бык шестикрылый и грозный,
Здесь людям является труд,
И, кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут, —

образ шестикрылого быка вызывает подопудные пушкинские ассоциации:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Бык, как и серафим, «является». И, как серафим, он шестикрыл. Конечно, в первую очередь он шестикрылый потому, что барабан и купол «мужицких бычачьих церквей» Мандельштам иногда ошибочно называет шестигранными. Но в прозе, а не в стихах. В стихах же он точен: «Плечью осьмигранными дышишь / Мужичьих бычачьих церквей».

Можно предположить, что на образе «шестикрылого быка» лежит отсвет мифологический — вспомним крылатых шебу (мифология Междуречья). Но у шебу два крыла, а не шесть.

Возможно, у Мандельштама здесь подсознательно сработала пушкинская матрица. В отдельных же случаях возможно предположить не подсознательное, а сознательное использование информации, содержащейся, в частности, в пушкинском «Путешествии в Арзрум».

В четырех строках стихотворения «О порфирные цокая граниты» из цикла «Армения» Мандельштам говорит, фактически, и о религии, и об основном занятии народа, издревле живущего среди армян — курдах:

... с узелками сыра
Еле дух перевода, бегут курдины,
Примирившие дьявола и Бога,
Каждому воздавши половину.

Курды, «история происхождения которых уходит корнями в глубокую древность, издревле обитают в Междуречье, там где ныне сходятся границы четырех государств: Ирана, Ирака, Сирии, Турции»¹⁸. «Еще во времена Арабского халифата часть курдов приняла ислам, другие же на протяжении веков были езидами, т. е. исповедовали особую религию, вобравшую элементы язычества, зороастризма, христианства, ислама»¹⁹. Несмотря на то, что Мандельштам говорит о курдах, а не о езиде, определение «примирившие дьявола и Бога», несомненно, больше подходит последним как указание на синтетичность религии.

Помимо этого, определение «примирившие дьявола и Бога» перекликается с пушкинским «Путешествием в Арзрум»: «С любопытством смотрел я на язидов, слывающих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семей обитают у подошвы Аарата. Они признали владычество русского государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать у язидов правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва,

¹⁸ Курдские сказки, легенды и предания. — М., 1989, с. 5.

¹⁹ Там же, с. 8.

будто бы язиды поклоняются сатане, есть лустая баснь; что они веруют в единого Бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастливи, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад за язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее»²⁰. По крайней мере теперь ясно, почему «курдины» «примирили дьявола и Бога, каждому воздавши половину». Впрочем, определенную информацию о курдах и езидях, касающуюся их верований, просто-напросто можно было получить на месте. Поэтому неверным было бы настаивать на исключительной актуальности литературного источника этой информации, впрочем, равно как и на том, что этот источник не имеет никакого значения, ибо, как бы то ни было, эти отрывки находятся в соотношении взаимной дополнителности.

Тема юмора в пушкинском «путевом очерке» (М. Лотман) «Путешествие в Арзрум» — тема особая. Вообще Пушкину было присуще удивительное чувство юмора. Мандельштаму тоже. Но в «Путешествии в Армению» такого юмора, как в «Путешествии в Арзрум» мы не встретим. Не встретим мы его и в стихотворениях армянской тематики. Мандельштам, как известно, обособлял шуточные стихотворения собственного сочинения. Да и само время — время путешествия в Армению — вообще не очень-то должно было располагать к шуткам. Тем удивительнее, когда встречаешь пародию Мандельштама на собственный же стих. В архиве М. А. Зенкевича имеется такой вариант строфы из стихотворения «Дикая кошка — армянская речь».

Были мы люди, а ныне людье
И суждено мне, должно быть в награду
Лишь роковое в боку колотье
Да Эрзерумский стакан лимонаду.

«Роковое в груди колотье» превратилось в «колотье в боку», причем, тоже роковое, а «эрзерумская кисть винограду» — в «эрзерумский стакан лимонаду».

Надежда Мандельштам как-то написала: «В каком-то смысле все русские поэты вышли из Пушкина, ухватившись за одну ниточку в его поэзии, за одну строчку, за одну интонацию, за что-то одно во всем пушкинском богатстве. Гораздо легче произвести поэта от Пушкина или от царя Соломона, чем найти реальную скромную ниточку, связывающую его с Пушкиным и другими поэтами — ниточек всегда много, иначе поэт улетит за облака и его никто не услышит»²¹. Пушкинский юмор — тоже одна из ниточек.

«Особое» отношение Мандельштама к Пушкину и пушкинскому творчеству имеет своей причиной не просто то, что пушкинские образы — «всегдашняя для русской культуры духовная опора, существеннейшая черта исторической и национальной культурной памяти»²². У Мандельштама глубоко личное отношение к Пушкину, связанное с детством и матерью, сопряженное с подхватыванием имеющейся у Пушкина идеи служения литературой. Именно поэтому о Пушкине сказано, что его «личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы»²³. Ореолом страдания и славы окружено служение, подвижничество. Как отмечает Г. Фрейдин, «в лице Пушкина Мандель-

²⁰ А. С. Пушкин, Путешествие в Арзрум — Проза, М., 1984, с. 268.

²¹ Н. Я. Мандельштам. Вторая книга. М., 1990, с. 345.

²² С. Кузьмина, Два превращения одного солида. — Литературное обозрение. 1991, № 1, с. 40.

²³ О. Мандельштам, Скрябин и христианство. Сочинения, т. II, М., 1990, с. 157.

штам как бы отдает приоритет в усвоении интеллигенцией подвижнической, точнее, кенотической традиции русского православия»²⁴.

Մ. Ռ. ԱՆԴՐԵՅՅՎԱ.— Պուշկինյան մոտիվները Օ. Մանդելշտամի «Հայաստան» բանաստեղծական շարքում.— Հայաստան այցելությունը Մանդելշտամի համար խիստ խորհրդանշական էր, քանի որ մեկ դար առաջ (ճշգրիտ չի նկատ համար այդ կտոր տարեթվին հարկավոր է ավելացնել ևս մեկ տարի), 1829 թվականին Հայաստան էր այցելել Ա. Ս. Պուշկինը, Ահա թե ինչու էր 1930 թ. Հայաստան այցելության ընթացքում «պուշկինյանը» մանդելշտամյան գիտակցության մեջ արդիականացվել: Եվ այդ արդիականացման հետքերը հայտնաբերում ենք Օսիպ Մանդելշտամի հայկական թեմատիկայի բանաստեղծություններում: Դրանք պուշկինյան ռեմինիսցենցիաներն են, պուշկինյան ստեղծագործությանը՝ մասնավորապես «Ճանապարհորդություն դեպի էրզրում»-ին արված հղումները: Միաժամանակ դրանք հենց պուշկինյան կենսագրության փաստերի հղումներն են, որ նույնպես կապված են Պուշկինի էրզրում կատարած ճանապարհորդության հետ: Հայկական թեմատիկայի բանաստեղծությունների մեջ «պուշկինյանի» ներմուծմամբ մեկ անգամ ևս դրսևորվում է Մանդելշտամին խիստ հատուկ «գաղտնագիրը», որը դրսևորվում էր միշտ, երբ խոսքը վերաբերում էր Պուշկինին ու նրա ստեղծագործությանը:

²⁴ Г. Фрейдин. Сидя на санях: О Мандельштам и харизматическая традиция русского модернизма.— Вопросы литературы. 1991, № 1, с. 14—15.